
Александр Макаров
БАЛОВСТВО
ДЛЯ УМА

Александр Макаров

БАЛОВСТВО ДЛЯ УМА

«Автор»
2026

Макаров А. А.

БАЛОВСТВО ДЛЯ УМА / А. А. Макаров — «Автор», 2026

Есть два способа смотреть на реку: просто видеть воду и камни — или вглядываться так, что река становится событием.«Баловство для ума» — книга из семи глав, где каждый пейзаж дан в двух слоях. Сначала — спокойная зарисовка, чтобы выдохнуть. Потом — плотный текст, в который вчитываешься не один раз. Вместе главы складываются в один день мира: от первого света над крышами до жёлтого круга фонаря у подъезда.Это не учебник и не упражнение — это игра со вниманием: сначала ты видишь картину, потом разбираешь её на слои. Обычные вещи открывают внутреннюю механику, а тишина приходит сама — там, где текст просит замедлиться.Для тех, кто любит замечать детали, ищет образы для текстов и нуждается в пяти минутах тишины — с возможностью нырнуть глубже.

© Макаров А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Слово перед началом 6
Первый свет 7
Туман 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Александр Макаров
БАЛОВСТВО ДЛЯ УМА

БАЛОВСТВО ДЛЯ УМА

Простая природа — непробиваемые смыслы

Слово перед началом

Эта книга построена просто. Каждая глава написана дважды.

Первый текст спокойный. Его можно читать как бы между делом — вода, свет, воздух. Он никуда тебя не ведёт, он просто показывает.

Второй текст другой. Он не пытается быть понятным с первого раза. В нём смыслы уложены слоями, и слой можно снимать долго. Иногда не с первого раза. Это нормально — он и написан для того, чтобы возвращаться.

Между ними один вопрос. Не для ответа вслух. Просто чтобы он остался с тобой.

В этой книге спрятан целый день. Начни с рассвета — и к последней странице дойдёшь до фонаря, который горит у подъезда, когда все уже дома. Можно идти и в обратном порядке — тогда каждая глава станет маленькой загадкой: сначала непонятная крепость, потом ключ.

Ни одно из этих текстов не требует, чтобы ты что-то запомнил. Единственное, что здесь важно, — замедлиться. Это баловство для ума. Но именно из такого баловства иногда и вырастает внимательность.

Первый свет

Дыхание утра

Раньше всего просыпается не солнце, а небо.

Когда ты выходишь на улицу, ночь ещё не ушла, но уже отступила. Внизу, у земли, лежит тёмно-синий воздух, а на востоке, над крышами, он становится чуть светлее — не жёлтый, не розовый, просто светлее, как будто кто-то там, за городом, медленно поднимает очень большую штору.

Деревья стоят чёрные. Не тёмные — именно чёрные, потому что их цвет ещё не включился. Они существуют только как силуэты, и от этого кажутся нарисованными: тонкая работа тушью на бумаге цвета сумерек.

Асфальт чуть влажный от ночного холода. Фонари ещё горят, но их свет уже ничего не значит — жёлтые круги тускнеют на фоне растущего неба, как свечи, о которых забыли в прихожей.

И вот приходит первый луч. Он не бьёт — он наливается: медленно наполняет светом верхушки деревьев, потом стены дома, потом асфальт. Мир перестаёт быть рисунком и становится цветным. Ты замечаешь, что небо не одноцветное: там целая гамма — серое, розоватое, где-то едва заметное золотое.

Город ещё тихий. Слышно, как где-то далеко начинает работать первый трамвай — не видно, только слышно. И в этой тишине с наступающим светом есть что-то очень простое и очень доброе: день ещё ничего от тебя не хочет. Он просто начинается.

Постой немного. Так редко бывает: никуда не надо, и всё ещё впереди.

Вопрос

Что произошло между темнотой и светом — и кто это видел?

Глубина рассвета

Первый свет не приходит — он обнаруживается: тьма не сменяется, а дисквалифицируется, и потому утро есть не событие, а отмена события, которое не успело состояться. То, что ты называешь рассветом, есть расследование: глаз движется по градиенту, как следователь по уликам, и каждый следующий градус светлоты опровергает предыдущий, не оставляя от ночи даже места, где она могла бы быть. Ночь не кончается — она оказывается несостоявшейся, и вся её глубина задним числом превращается в недоразумение, в ошибку калибровки, которую мир исправил, пока ты спал.

Деревья в это время не тёмные, а несветящиеся: чёрный силуэт есть не цвет, а приговор, вынесенный отсутствием информации, и зрение, читая их, заполняет пустоту памятью о форме — ты видишь дерево не сейчас, а тогда, когда видел его последним, и утро существует для тебя

как нарастающая достройка, в которой реальность постепенно догоняет её предварительный набросок. Мир не появляется — он уточняется, и каждая стадия этого уточнения вступает в силу лишь при условии, что предыдущая объявлена недостаточной.

Фонарь, который ещё горит, но уже ничего не значит, — самый честный объект утра: он не погас, но его свет утратил адресата, ибо зрачок, перестроившийся под растущую светлоту, больше не нуждается в его жёлтой окружности; фонарь продолжает излучать в пустоту — как слово, произнесённое тому, кто уже вышел из комнаты, и его бессмысленность не дефект, а точная мера произошедшего: свет перестал быть средством и стал остатком.

Первый луч не освещает предметы — он распределяет их по степеням присутствия: верхушка дерева получает права раньше, стена дома — позже, асфальт — последним, и в этой очереди несправедливости нет, потому что свет не выбирает, а слой воздуха выбирает за него: то, что выше и тоньше, встречает луч первым, и иерархия пробуждения — это просто карта плотности атмосферы, прочитанная как сюжет. Ты называешь это красотой, но красота здесь — не свойство картины, а побочный продукт оптики, счастливая ошибка восприятия, которая случается потому, что ты находишься именно здесь, на этой высоте, под этим углом.

И тишина города перед первым трамваем — не пауза между звуками, а пространство, в котором звук ещё не поделил территорию: трамвай, которого не видно, существует пока как чистое намерение, как обещание, данное на расстоянии, и ты слышишь не транспорт, а вероятность — мир, который собирается стать городом, но ещё предоставляет тебе несколько минут, в течение которых он принадлежит только тем, кто встал раньше света. День ещё ничего от тебя не хочет не потому, что он добр, а потому, что он ещё не знает о твоём существовании; но ты знаешь о его — и в этом неравенстве знания, коротком, как сам рассвет, и скрыто то, ради чего стоило встать: несколько минут, когда ты опережаешь день и можешь смотреть на него без обязанности отвечать.

Прочитай Дыхание утра ещё раз. Заметь, сколько слов там про свет — и ни одного про то, что свет делает со временем.

Туман

Тишина между домами

Туман приходит без шума. Он не стучит в окна и не хлопает дверями — он просто появляется там, где раньше был воздух.

Ты идёшь по знакомому переулку, но вдруг понимаешь, что видишь только на три шага вперёд. Дальше — не стена, не забор, а просто белая мягкость, которая не пускает взгляд дальше. Дома стоят рядом, ты знаешь, что они там, но сейчас их будто нет. Остаются только детали: край подоконника, железный козырёк, трещина в кирпиче — всё, что влезает в эти три шага.

Воздух влажный и тяжёлый. Он ложится на кожу, как тонкая влажная ткань. Слышно, как капает вода с крыши, и этот звук кажется очень громким, потому что больше ничего не мешает. Даже город будто делает паузу: машины не едут, потому что ехать некуда — впереди ничего не видно.

Пахнет мокрым асфальтом и старой штукатуркой. Этот запах не про красоту, он про реальность: туман не украшает город, он его оголяет, снимает глянец и оставляет только суть — кирпич, бетон, железо.

И в этой короткой видимости есть что-то честное. Ты не можешь притвориться, что видишь весь мир, — ты видишь ровно столько, сколько можешь. И этого хватает.

Вопрос

Что ты теряешь в тумане — и что неожиданно находишь?

Физика невидимого

Туман — это не отсутствие картинки, а её перераспределение. Он не стирает мир, он меняет масштаб восприятия: вместо панорамы — крупный план. То, что раньше было фоном, становится главным. Трещина в кирпиче, изгиб козырька, капля на краю — теперь это не детали, а события, потому что они единственные, что попадают в поле зрения. Внимание перестаёт скользить и начинает упираться, и именно в этом упоре рождается концентрация.

Влажность воздуха работает как фильтр. Она поглощает высокие частоты и оставляет низкие — поэтому звук капающей воды кажется таким гулким: он не рассеивается, а собирается в плотный импульс. Город замолкает не потому, что ему нечего сказать, а потому что его голос становится слишком тяжёлым для расстояния: звук не долетает до тебя, он оседает в тумане, как пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.